

ИСЛАМ В ДАГЕСТАНЕ

УДК 94(470/67)

Д.С. Кидирниязов, Ю.М. Лысенко

Социальные противоречия в дагестанском обществе в конце 20-х – начале 30-х гг. XX в. и мусульманское духовенство

Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН; daniyal2006@rambler.ru, lju-ta78@mail.ru

---

В статье рассматриваются социальные противоречия в дагестанском сельском обществе, связанные с проведением таких сложных мероприятий, как коллективизация, изъятие вакфов. Поднят вопрос участия мусульманского духовенства в выступлениях дагестанского крестьянства в конце 20-х – начале 30-х гг. XX века. На основе новых документальных источников показаны драматические страницы истории крестьянства, роль мулл, шейхов в организации протестного движения, вооруженных выступлений против аграрной и антирелигиозной политики государства.

Ключевые слова: *мусульманское духовенство, восстание, шейх, мюриды, коллективизация.*

In the article social contradictions in the Dagestan rural society, connected with carrying out such difficult processes, as collectivization, withdrawal of vakfs are considered. The question of participation of Muslim clergy in performances of the Dagestan peasantry at the end of 20th – the beginning of 30th years of the XX century is brought up. On the basis of new documentary sources drama pages of history of the peasantry, a role of mullahs, sheikhs in the organization of the protest movement, the armed performances against agrarian and anti-religious policy of the state are shown.

Keywords: *Muslim clergy, revolt, sheikh, murids, collectivization.*

Установление Советской власти, новая экономическая политика, культурная революция, коллективизация – все эти кардинальные изменения не могли не отразиться на состоянии дагестанского общества. Социальные, политические и экономические реформы, проводимые Советской властью, воспринимались далеко неоднозначно, вызывали протест, выливавшийся в пассивное и активное сопротивление многим мероприятиям государственных органов власти.

Представители духовенства, являвшегося неотъемлемой частью дагестанского общества, не были сторонними наблюдателями во всех исторических событиях рассматриваемого периода. Мусульманское духовенство в Дагестане на протяжении длительного исторического периода было монопольной пропагандистской и идеологической силой общества. Оно формировало общественную психологию и мировоззрение людей. В ведении мусульманского духовенства находились система образования и воспитания, культура. Поэтому после установления Советской власти деятельность духовенства старались держать под контролем, противников советского строительства называли «реакционными» и причисляли к «контрреволюционерам». И если в начале 20-х годов органы власти и партии проявляли лояльность по отношению к религии, то к концу 20-х гг. ситуация меняется. В своем выступлении на Вседагестанском съезде Советов председатель ЦИК ДАССР Н. Самурский (апрель 1927 г.) заявил: «Мы не можем примириться с контрреволюционной агитацией некоторой части реакционно настроенного духовенства. Мы не можем допустить, чтобы в дальнейшем культурном развитии нашего хозяйства нам мешало духовенство. Нам нужно вырвать у духовенства последние зубы, чтобы оно не могло произвести ни звука» [1, с. 55].

Духовенство оставалось влиятельной общественной силой и в 20–30-е гг., поэтому

усилия государства были направлены на подрыв его влияния на верующих, а потом и на полное вытеснение из общественной жизни. Для этого применялись агитация и пропаганда, закрытие мечетей и изъятие вакуфного имущества, политические репрессии. Все эти процессы усилились и приобрели новое звучание в конце 20-х – 30-е годы, в т. ч. и в связи началом форсированной коллективизации. Так, 1929 год вошел в советскую историю как год «великого перелома», когда ноябрьский пленум ЦК ВКП (б) принял решение о формировании индустриализации и ускорении темпов коллективизации. В конце же 20-х годов усиливается преследование духовенства по обвинениям, часто надуманным, в сопротивлении политике партии и советской власти, подрывной деятельности. Связано это было с болезненно проходившим процессом изъятия вакуфов, которое повсеместно встречало сопротивление населения Дагестана. Более того, в ряде мест имели место острые открытые выступления верующих крестьян против данных мер государства. Так, например, в Даргинском округе окружной исполком командировал в с. Наскент помощника начальника милиции и трех милиционеров. Вся их разъяснительная работа свелась к тому, что они созвали сход и предложили конфисковать все вакуфное имущество и передать кресткому. Когда собравшиеся отказались выполнить их требование, они арестовали 14 человек и отправили в райцентр с. Леваши. На другой день туда явились 200 человек, требуя освобождения арестованных. Лишь после терпеливой разъяснительной работы удалось уговорить собравшихся разойтись и разрешить передать вакуфы кресткому [8, с. 40–47].

В Касумкентском районе без согласия населения были закрыты и переданы под культурные и другие учреждения 32 мечети, была конфискована внутренняя утварь мечетей. Это привело к массовому недовольству жителей района, где состоялось до 15 открытых выступлений против конфискации вакуфного имущества [8, с. 40–47]. В селе Нариман Караногайского района мечети превратили в ферму и скотные дворы, а к концу 30-х годов во всем Караногайском районе не осталось ни одной действующей мечети [13, с. 130].

Уже к началу 1928 года в республике было зафиксировано до 150 открытых массовых выступлений в аулах против изъятия вакуфов. На сельских сходах, созываемых для обсуждения вопроса о создании сельскохозяйственных артелей и колхозов, представители духовенства активно выступали против создания колхозов, осуждали обобществление средств и орудий труда как противоречащее исламу и шариату дело. Антирелигиозные меры властей, направленные на скорейшее закрытие мечетей и изъятие вакуфов и заката, совпали с насильственными мерами по коллективизации, поэтому антиколхозные выступления крестьян охватили десятки дагестанских аулов. По мере роста колхозного движения обстановка в дагестанском ауле накалялась.

13 августа 1929 г. бюро Дагестанского обкома партии обсуждало вопрос об антисоветских выступлениях. На бюро были намечены меры, направленные на ликвидацию контрреволюционных групп и организаций, усиление разъяснительной работы среди крестьянских масс.

Несмотря на принимаемые на государственном и партийном уровнях меры, коллективизация шла трудно, переживала то бурный подъем, то тяжелый спад. Значительное влияние на настроения простых горцев оказывало зажиточное крестьянство, авторитет которого оставался высоким, а также представители мусульманского духовенства. В ряде случаев они не только участвовали, но и возглавляли антиколхозные выступления крестьян.

Например, духовенство Касумкентского района к осени 1929 года стало действовать не индивидуальными, а групповыми методами, причем как пишется в документе «на-

блюдались моменты использования для выступлений против различных мероприятий советской власти, бедноты и середнячества, находящихся под влиянием кулачества и духовенства» [12, Д.18.Л.62; с.137]. На наш взгляд, дело заключается даже не в «использовании», а в слабой разъяснительной работе советских органов или ее отсутствии и превалировании командных методов в работе с людьми.

В селении Атага-Яраг группа зажиточных крестьян и муллы – Кадыр Гаджиев, Абдусалам Магомед-оглы, Батир-Бала Эфенди (кулаки), Салимхан Умаров (мулла) – активно агитировали жителей села на акты противодействия мероприятиям власти. Первоначально при организации колхоза в селе в колхоз вступило 35 человек, а осталось 15 (42,8 %)[12, Д.18. Л.67; с.138].

Формы борьбы были разнообразны – от антиколхозной агитации и роспуска различных слухов до террористических актов против колхозных и советских активистов, разгона колхозов и местных Советов, организации вооруженных выступлений.

При антиколхозной агитации муллы обращались к религиозным чувствам крестьян. В сел. Великент Дербентского района распускались слухи, что колхозникам будет запрещено верить в Бога, в колхозе жены и дети будут общие, хлеб будет выдаваться из общей пекарни, колхозникам запретят печь хлеб дома и др. В селении Хамаматюрт Бабаюртовского района всех вступающих в колхозы предупреждали, что они будут наказаны на том свете. Вступление в колхоз приравнивалось к отречению от религии [3, с. 1]. И хотя в отчетах ОГПУ в ноябре 1929 г. отмечалось, что «в связи с проведенными Дагестанским отделением ОГПУ оперативными мероприятиями наблюдается снижение антисоветской агитации...» [12, Д.18. Л.103–106; с.139], тем не менее уже в декабре этого же года обстановка в дагестанском селе накаляется.

Первые организованные выступления, которыми руководили представители мусульманского духовенства, прошли в равнинном Дагестане. В связи с переходом на сплошную коллективизацию в ряде аулов Хасавюртовского района уже 3 декабря 1929 г. на собрании по вопросу о коллективизации в с. Темираул группой зажиточных крестьян под руководством духовенства были избиты представители Хасавюртовского РК ВКП (б), райкресткома, председатель сельсовета и несколько членов партии и комсомольцы [12, Д. 26, Л.161; с.139]. А в селении Батаюрт 4 декабря группа женщин (около трехсот), частично вооруженная таяками, топорами и кинжалами, устроила демонстрацию под лозунгом «Долой колхозы! Да здравствует духовенство!». Эта демонстрация сорвала проходившее в этот день в Батаюрте собрание по вопросу о коллективизации. Инициаторами данной демонстрации была группа мюридок (!). В демонстрации принимали участие женщины не только из Батаюрта, но и из соседних селений [12, Д. 26. Л.162; с.139]. В это же время наблюдалось брожение общественности в селении Аксай. Большую активность в декабре 1929 г. проявляла Унцукульская контрреволюционная группировка (Аварский округ), пытающаяся распространить повстанческое движение в Андийском и Хасавюртовском округах, Казбековском подрайоне [12, Д. 26. Л.62; с.137].

11 марта 1930 г. в аулах Асах, Хупри, Шапик, Мокок, Кидеро Дидоевского участка Цумадинского района произошли антисоветские вооруженные выступления, руководимые в т. ч. и духовенством. Повстанцы требовали прекращения изъятия вакуфного и мечетского имущества, освобождения арестованных. На собраниях крестьян были приняты решения об удалении из аулов партийных и советских работников [12, Д. 26. Л. 17; с.136].

Возглавил бунт шариатский совет во главе с Вали Даглаевым. На Дидойском участке выступления крестьян против насаждения колхозов и увеличения государственных налогов 12 марта 1930 г. переросли в вооруженные восстания и продолжались до конца

месяца. В Гумбетовском районе вдохновителем антиколхозного восстания был объявлен шейх Абдулла Магома Султанов-Ингишинский из аула Ингиши. В ходе восстания в ряде населённых пунктах были ликвидированы сельские советы, распущены колхозы, восстановлены шариатские суды [9, с.167].

В том же месяце антиколхозное выступление произошло в селении Хамаматюрт Бабаюртовского района, где темпы коллективизации были значительно выше, чем в других районах. Выступление хамаматюртовцев было поддержано и в ряде других селений района. Выступившие начали разгонять колхозы, убили председателя одной из сельхозартелей [6, с.188].

Вызывает интерес и тот факт, что руководители восстаний привлекали женщин к активному участию в них, уверяя их, что советская власть не посмеет применить против них какие-либо решительные меры. Когда на собрании в селении Евиگار Касумкентского района обсуждался вопрос о создании колхоза, то женщины, видимо, заранее приглашенные и подготовленные соответствующим образом, выступили против его организации, избili председателя сельсовета и разгромили медпункт. Это выступление нашло отклик и в Табасаранском районе, где в райцентре Тинит из разных аулов собралось около 700 человек, которые потребовали распустить колхоз [6, с.188].

В первых числах марта 1930 г. в селении Ашага Ярык при изъятии земель у кулаков все общество вышло на улицы, требуя уничтожения акта изъятия земель роспуска артели. Наутро была устроена демонстрация женщин с теми же требованиями. 10 марта 1930 г. в селении Тинит была устроена демонстрация женщин под лозунгами: «Долой артели!», «Советская власть у нас отнимает веру» и другими призывами [12, Д. 26. Л. 25,26; с.139].

11 марта все население сел. Экендиль пришло к кабинету председателя исполкома и с угрозами начало требовать уничтожения списков членов артели на их глазах и восстановления в правах тех, кто был их лишен. К ним присоединились жители селений Тинит, Бурганкент, Хурик, Гензирь и часть населения из сел Сыртич и Чулат, всего около 600–700 человек. Местная власть вынуждена была выполнить данные требования [12, Д. 26. Л.25,26; с.139]. В конце февраля месяца 1930 г. в селении Кондик была проведена демонстрация женщин и детей-школьников против артели и всех мероприятий советской власти [12, Д. 26. Л.25–26; с.139].

Такие же выступления, причем с жертвами, имели место в Хасавюртовском, Буйнакском, Махачкалинском, Кизлярском и других районах. Были убиты секретарь партийной ячейки сел. Кака-Шура Буйнакского района И. Базалаев и председатель колхоза Г. Абдулмеджидов [6, с.391].

Крупное восстание к концу марта 1930 г. охватило Дидоевский участок, в частности, ряд аулов: Кидеро, Шаури, Тлясута, Шаитль, Генух, Мокок, Цибари, Ицрак и прилегающие к ним хутора с центром в селении Шаури. Повстанцы выставили свои посты и организовали отряды до 500 человек, вооруженных винтовками и др. Восстанием руководил Шариатский совет, а вооруженными повстанцами командовал Вали Дагларов [12, Д. 20. Л.180; с.151]. В сводке оперативного штаба Дагестанского отдела ОГПУ о событиях в Цумадинском районе указывалось, что «восстание в Дидо организовано кулацко-мулььской контрреволюционной верхушкой, которая умело использовала безобразия и перегибы, допущенные нами в процессе ряда компаний». Также установлена связь восставших с контрреволюционными элементами Грузии. По показаниям жителя сел. Шаури Мусаева Ибрагима, в доме которого находится штаб, «шариатистам приезжие бандиты грузины обещали поддержку живой силой, оружием» [12, Д. 19. Л. 23; с. 155].

По данным другого источника Шариатский совет в своем постановлении писал: «Ввиду того, что советская власть притесняет религию, расстреливает духовенство, притесняет население, необходимо взяться за оружие и драться до последнего, до тех пор, пока не уничтожат всех до детей, или пока мы не победим» [12, Д. 19. Л. 23; с. 155]. По данным этого же источника дидоевцам должны были помочь грузинские аулы Шильда, Сгуда (Сабуэ) и Ингушетия [12, Д. 19. Л. 23; с. 155]. Таким образом, выступления в Дидо были спровоцированы как неправильной политикой местных властей (вследствие этого повстанцы предъявляли требования по устранению именно представителей местной власти требовали присоединения к Грузии), так и вследствие борьбы мусульманской верхушки, не желавшей терять свою власть над сельчанами.

Для того чтобы обратить на свою сторону жителей Дидойского участка, да и других районов Дагестана, в апреле 1930 г. даже было принято обращение председателя Дагестанского Центрального исполнительного комитета Магомеда Далгата и председателя Совнаркома ДАССР Джамалутдина Коркмасова к населению Дидоевского участка Цумадинского района об оказании помощи красным партизанам и бойцам Красной армии в ликвидации мятежа: «Вы, дидоевцы, поддавшиеся авантюре ваших врагов, тех самых врагов, которые являлись помощниками царской власти и вместе с нею угнетали Вас – пошли по пути неподчинения нашему дагестанскому правительству, там самым лишив правительства возможности устранять Ваши нужды...» [12, Д. 20. Л. 41; с. 166].

Бюро Дагестанского обкома ВКП(б) признало слабую работу партийных и советских организаций с бедняцкими массами, ущемление в ряде случаев интересов середняка, раскулачивание его наряду с кулацкими хозяйствами, ошибки, допущенные при проведении хлебозаготовок и коллективизации, незаконное закрытие мечетей [6, с. 190].

Наиболее значительный и организованный характер приняло антиколхозное выступление крестьян (с 25 апреля до начала июня 1930 г.) под руководством шейха Штульского – жителя селения Штул Курахского района шейха Гаджи Магомеда Эфенди Рамазанова, охватившее три крупных горных района Южного Дагестана: Курахский, Касумкентский и Табасаранский. Во всех аулах, где произошли эти выступления, были освобождены от работы председатели сельсоветов и других организаций, взамен которых назначались старшины аулов. Восставшими был убит секретарь Касумкентского райкома партии Ю. Герейханов.

Мюриды шейха Штульского разъезжали по соседним лезгинским, табасаранским, рутульским, агульским и даргинским аулам в надежде вовлечь их в борьбу. Повстанческое движение охватило села Маджалис, Оружба, Белиджи, Касумкент. В телеграмме заместителя начальника дагестанского отдела ОГПУ Ф. Петрова начальнику Азербайджанского ГПУ, Закавказского ГПУ, ЦОГ Мамедбекову о событиях в Южном Дагестане от 30 апреля 1930 отмечалось, что волна повстанческого движения, начавшегося в Курахском районе, быстро перекинулась на Касумкентский и Табасаранский районы. Ночью 21 апреля повстанцы, численность которых достигла 500 человек, заняли Касумкент. К тому же времени был занят центр Табасаранского района Тинит. В Касумкенте повстанцами был убит секретарь райкома и агент УГРО, в Тините – председатель колхоза и жена члена РИКа [12, Д. 20. Л. 42; с. 167]. Лозунги повстанцев: «Долой колхозы, совхозы, артели, долой Советскую власть! Да здравствует шариат!». Одновременно распускались слухи о скором приходе турецких войск. Общая численность повстанцев доходила до 1500 человек, вооруженных огнестрельным оружием [12, Д. 20. Л. 42, с. 167]. В селении Кирка Кайтагского района мюриды из селения Хучни Табасаранского района организовали шествие в белых чалмах, призывая жителей присоединиться и оказать помощь восставшим [9, с. 169].

В письме шейха Рамазанова Г.-М.Э. (Штульского) начальнику Дагестанского отде-

ления ОГПУ Мамедбекову К.Г. о причинах недовольства и требованиях крестьян Южного Дагестана отмечалось, что «в последнее время проведение мероприятий советской власти при неумелом их руководстве на местах вызвало массовые восстания населения, связанные с коллективизацией и обобществлением личного имущества и скота граждан, что в конечном итоге привело к разорению крестьянских хозяйств, а также массового гонения на религию... Я отступил от районного центра, доведя до Вас недовольство... Несмотря на наши протесты, Вы предлагаете мне добровольно явиться. Вследствие этого я прошу удовлетворить следующие наши просьбы: не затрагивать основы нашей религии; отказаться от обобществления личного имущества и скота; ... установить всеобщее избирательное право; отказаться от массовых арестов и освободить невинно заключенных... (Шейх Штульский)» [12, с.169]. Вот такие экономические и политические требования выдвигались восставшими.

Восстания вспыхнули в аулах Хнов и Борч Рутульского района, Фий, Гдым и Маза Ахтынского района. В 1931 г. произошло более 10 крупных и мелких выступлений против колхозов и в других районах республики. В частности, крупное восстание вспыхнуло в высокогорном Ахвахском участке. Его вдохновителями и организаторами были объявлены мюриды шейха Гусейна Хуштадинского и сын шейха – Абдулла Гусейнов. В ходе мятежей начали распадаться колхозы, только в Хунзахском районе их распалось 15, сохранился лишь один [5, с.42; 9, с.173]. В сел. Кубачи велась агитация против постройки новой школы и сбора сельскохозяйственного налога.

Руководство республики, проанализировав события, произошедшие в этих районах весной 1930 г., выяснило, что представители органов власти проводили коллективизацию, превышая свои полномочия, путем административного нажима; в результате, к концу февраля 1930 г. здесь было создано 44 колхоза с вовлечением в них 2168 хозяйств. Одновременно местные властные структуры без соответствующей агитационно-пропагандистской работы, без учета мнения сельских жителей провели кампанию по насильственному изъятию вакуфного имущества мечетей, закрыв при этом 48 из них и арестовав активных участников, протестующих против такой акции властей. Другим поводом к восстанию послужили случаи насильственного изымания хлеба во время хлебозаготовок, в том числе предназначенного для пропитания и посевов [7, с.35].

Главным требованием восставших было восстановление шариата и предоставление тех прав и положений, которыми пользовались горцы до прихода советской власти в Дагестан. Повстанцы во всех аулах сменили председателей сельсоветов, назначили на их места старшин, разогнали колхозы. Только благодаря проведению воинских операций восстание в Южном Дагестане было подавлено. Многие восставшие были арестованы, убиты и ранены.

В одном ряду с выступлением шейха Штульского стоит так называемое Хновское восстание. В нем участвовали не только жители Хнова, но и жители нескольких соседних сел Рутульского и Ахтынского районов. Судя по материалам следствия и допросов участников восстания, вырисовывается следующая картина: «Еще за месяц до восстания в Хнове в селении Верхний Гейнек Азербайджанской ССР было созвано совещание по инициативе известного руководителя выступления в Азербайджанской ССР муллы Мустафы Шейхаде, в котором участвовали Муса Ширинбеков (хновец) и Незир Юнусов (с. Борч) от Дагестана. На совещании обсуждался вопрос о присоединении дагестанцев к повстанческому движению в Азербайджанской ССР для совместных действий против советской власти, о чем было принято соответствующее решение. Вернувшись в Хнов, М. Ширинбеков, Г. Азизов и Н. Юнусов стали распространять слухи о скором падении советской власти и наступлении иностранных государств на Советскую

Россию и одновременно приступили к сбору оружия и агитации в других селах за восстановление старого порядка, провели ряд секретных совещаний. 18 мая 1930 г. в с. Хнов было поднято восстание и свергнута советская власть... Таким образом, восставшие захватили в свои руки селения Хнов, Гдым, Фий и Борч» [4].

После захвата власти повстанцами предпринимались попытки путем мирных уговоров заставить их сложить оружие. Но восставшие отказались сложить оружие, были разбиты, многие участники арестованы. Анализ состава участников восстания дает все основания полагать, что в выступлении шейха Штульского и Хновском восстании приняли участие представители всех слоев общества. Следовательно, новой властью были недовольны не только духовенство и кулаки, но и основная масса населения в лице крестьян, а также часть партийных и советских работников.

ЦИК и Совнарком ДАССР приняли постановление о хозяйственно-культурном развитии районов Южного Дагестана, в которых состоялись наиболее крупные антиколхозные выступления. В эти районы для оказания помощи были направлены ответственные работники республиканских организаций. В Касумкентском районе были проведены досрочные перевыборы сельских советов [12, Д.22, Л.8]. В ряде районов республики прошли открытые судебные сессии Главсуда ДАССР. В Дербентском районе за незаконное закрытие мечети в селении Дели-чобан, оскорбление чувств верующих к судебной ответственности были привлечены заместитель председателя райисполкома, председатель сельсовета этого села и ряд других лиц. За аналогичные нарушения в Табасаранском районе были осуждены 7 ответственных работников [8, с. 112–115].

Несмотря на решительные меры против нарушений политики партии в деревне, улучшение разъяснительной работы среди трудящихся крестьян, партийные и советские органы продолжали прибегать, хотя и меньше, к прежним репрессивным мерам, объясняя их активизицей кулацких антиколхозных выступлений.

В начале 1931 г. в Бабаюртовском, Хасавюртовском, Шелковском, Рутульском, Дербентском, Касумкентском и Лакском районах вновь были выявлены группы, проводившие агитацию против мероприятий партии и ставившие своей целью подготовку нового вооруженного выступления. Несколько позднее антисоветские группировки были выявлены в Ботлихском, Ахвахском, Кумторкалинском, Буйнакском, Ахтынском, Гумбетовском, Хунзахском и Казбековском районах [8, с. 121]. Обвиненных в таких преступлениях по законам того времени ждало суровое наказание. Представителей духовенства репрессировали и как участников антиколхозных восстаний. По далеко не полным данным с начала 1930 г. по октябрь 1933 г. в ДАССР были репрессированы 1212 служителей мусульманского культа. Обвинения против них были стандартными – «за антисоветскую и контрреволюционную деятельность». Они были осуждены по ст. 58 УК РСФСР, сосланы на поселение в Сибирь, Соловки, Казахстан и Астрахань [9, с. 194].

В 1930-е гг. контроль спецслужб над духовенством ужесточился, особенно после известных восстаний. В 1930–31 гг. были арестованы ученый-арабист Дыдымов Абдул Вагаб Гаджи (с. Аксай), кадий Дибиров Омаш, ученый-арабист Ахмедов Гази Магомедиз с. Акнада Цумадинского района, арабист имулла Ахмедов Абдул Азиз, уроженец с. Ингиши Гумбетовского района и др. [10, Т.1, с. 125; Т.3, с. 55, 56].

В 1932 г. в связи с засухой, неурожаем и голодом во многих районах страны ситуация на селе обострилась. Из приложения к спецсправке Секретно-политического отдела ОГПУ об антиколхозном движении в отдельных районах СССР, подготовленного в июле 1932 г., указывается, что политическая обстановка в национальных областях Северо-Кавказского края (особенно в нагорных районах) заметно осложнилась: «Особенно неблагоприятное положение наблюдается в отдельных районах Чечни, в нагорных рай-

онах Дагестана (главным образом граничащих с Чечней)...

Пользуясь крайней слабостью массовой работы партийных и советских организаций..., антисоветские элементы ведут широкую колхозную и повстанческую агитацию...» [11, с.425].

В этом же документе отмечалось, что «наблюдается большая активизация мусульманского духовенства, переходящая от осторожной антисоветской агитации в узком кругу и распространения провокационного «хабад (слухи, вести) через третьих лиц к открытой повстанческой агитации в мечетях, на сходах и т.д. Отмечалось стремление духовенства охватить своим влиянием колхозы, впервые очередь, колхозную бригаду. Муллы и руководители сект вели разлагающую работу среди колхозников» [11, с. 425]. Подобные явления имели место в Ботлихском районе [11, с.426].

В с.Каякент против колхозов активно выступал мюрид А.Х. Акушинского Абдулазиз-кади Идрисов, в с. Догели – мюрид и общественный кадий Рашид Мурадов и др. [9, с. 174].

Работники ОГПУ отмечали, что все эти «нездоровые» настроения и рост их среди колхозников объяснялись невыполнением по большинству колхозов решений ЦК о 15–20 %-ном продовольственном авансировании колхозников, отсутствием по многим колхозам разъяснения решений ЦК по заготовкам, контрактации и укреплению колхозов. ЦК ВКП(б) и Совнарком СССР разослали 8 мая 1933 г. всем партийно-советским организациям и судебно-следственным органам инструкцию, в которой потребовали прекратить применение массовых выселений и острых форм репрессий [11, с.405–406].

Несмотря на принимаемые решения, обстановка в селе, в том числе и дагестанском, на протяжении 30-х годов оставалась достаточно напряженной. Согласно материалам, опубликованным в сборнике документов «Коллективизация антиколхозные выступления в Дагестане (1927–1940 гг.). Документы и материалы» (Махачкала, 2007), антиколхозные выступления при активном участии мусульманского духовенства в отдельных селах и районах Дагестана происходили в 1935–1936 гг.

Сильные позиции религии и мусульманского духовенства позволяли ему организовывать, возглавлять выступления крестьян, направленные против коллективизации и советской власти и руководить ими. Мероприятия органов государственной власти, связанные с продналогом, реквизициями, преследованием религиозных деятелей, закрытием мечетей и т.д. не могли не вызвать возмущения горцев. Недовольство вылилось в антиколхозные, а по своей сути антисоветские восстания, начало которых объективно совпало с развернувшейся массовой коллективизацией. При конфискации закята и вакуфов, при закрытии и перепрофилировании мечетей властям оказывалось сопротивление со стороны не только духовенства, но и самих верующих.

Литература

1. Власть и мусульманская религия в Дагестане (ноябрь 1917 г. – декабрь 1991 г.) Документы и материалы. – Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2007.
2. Какагасанов Г.И. Социальные противоречия в дагестанском обществе в 20–50-е годы XX в. (Историко-документальное исследование). – Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2010.
3. Красный Дагестан. 1931. 19 марта.
4. Махмудов Х.М. Хновское восстание // <http://www.opendag.ru/article.php?id>
5. Муцалханов М.С., Махмудов Х.М. Дагестан в 30-е годы. – Махачкала, 1997.

6. Османов А.И. Дагестан в XX веке: исторический опыт регионального развития. Кн. 1. Историко-географическая характеристика, административное устройство, развитие промышленности и сельского хозяйства Дагестана. – Махачкала:Юпитер, 2006.
7. Османов А.И., Искендеров Г.А. Исторический контекст трансформационного процесса в дагестанском обществе в 20–30-е годы XX века // Научная мысль Кавказа. – Ростов-на-Дону, 2006. № 4.
8. Османов А.И. Комсомол Дагестана в годы коллективизации. – Махачкала, 1968.
9. Сулаев И.Х. Государство и мусульманское духовенство в Дагестане: история взаимоотношений (1917–1991 гг.). – Махачкала, 2009.
10. Сулейманов С.И. Реабилитация жертв политических репрессий 20–50-х годов XX века в Дагестане. (Документы и материалы). – Махачкала, 2007. – Т. 1. – Махачкала, 2011. – Т. 3.
11. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы: в 5 т. 1927–1939. – М., 2001. Т. 3.
12. ЦГА РД. Ф. Р-800. Оп. 2. Д. 18, 19, 20, 26; Коллективизация и антиколхозные выступления в Дагестане (1927–1940 гг.). Документы и материалы. – Махачкала, 2007.
13. Ярлыкапов А.А. Ислам у степных ногайцев. – М., 2008.

Поступила в редакцию 13 февраля 2012 г.